

**ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ
HUMAN PHILOSOPHY:
HISTORY AND MODERN CONCEPTS**

УДК 160.1

DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-100-109

*Станислав Сергеевич Гусев,
доктор философских наук,
Санкт-Петербургский научно-исследовательский университет РАН
(194021, Россия, в. Санкт-Петербурге, ул. Хлопина, 8),
e-mail: office@spbau.ru*

Ситуационные контексты интеллектуальных действий

В статье обсуждается необходимость изучения влияния всевозможных ситуаций на использование различных форм интеллектуальных действий. Выделяются типы ситуаций и уровней их описания. Различные варианты «возможных миров» рассматриваются как описания «ситуаций» и «событий». Обосновывается важность эмоциональных переживаний в реальном проявлении рационального мышления. Автором определяется необходимость обоснования концепций «ситуационной логики», это связано с тем, что динамика реальной жизни людей не может регулироваться заданными раз и навсегда программами и алгоритмами, и традиционные логические схемы рассуждения отображают лишь самые общие контуры интеллектуальных действий. В статье определяется связь ситуационных контекстов интеллектуальных действий, рационального осмысления человеческих действий с задаваемыми существующими на данный момент культурными нормами. Подчеркивается, что сами эти нормы возникают под воздействием условий, в которых сообщество существует, но впоследствии они как бы «извне» влияют на представления людей о возникающих новых ситуациях. Автор приходит к выводу о том, что одной из важнейших задач, стоящих перед ситуационной логикой, является проявление оснований для перехода от описания ситуации к описанию действий, необходимых для достижения целей, обусловленных возникшей ситуацией.

Ключевые слова: «возможный мир», логика, ситуация, событие, понимание, эмоциональное переживание, рациональное мышление

*Stanislav S. Gusev,
Doctor of Philosophy,
Saint Petersburg Research University, Russian Academy of Sciences
(8 Khlopina st., St. Petersburg, 194021, Russia),
e-mail: office@spbau.ru*

Situational Contexts of Intellectual Actions

The article discusses the necessity of studying the influence of all sorts of situations on the usage of different forms of intellectual actions. Different types of situations and the levels of their description are identified. Various kinds of “possible worlds” are examined as descriptions of “situations” and “events”. The article establishes the importance of emotions in the declaration of rational thinking. Need of justification of concepts of “situational logic” is defined by the author, it

is connected with the fact that dynamics of real life of people can't be regulated by the programs and algorithms set once and for all and traditional logical schemes of a reasoning display only the most general contours of intellectual actions. In the article communication of situational contexts of intellectual actions, rational judgment of acts of man with the set of cultural norms existing at the moment is defined. It is emphasized that these norms arise under the influence of conditions in which the community exists, but subsequently they as if "from the outside" influence ideas of people of the arising new situations. The author comes to a conclusion that one of the major tasks facing situational logic is manifestation of the bases for transition from the description of a situation to the description of the actions necessary for achievement of the objectives caused by the arisen situation.

Keywords: "possible world", logic, situation, event, understanding, emotion, rational thinking

Попытки построить полностью формализованные модели интеллектуальных действий человека привели к осознанию существенной ограниченности таких моделей. Надежда на создание «универсального алгоритма», позволяющего в единой стандартной форме представить любой класс задач, а также все способы решения этих задач, сегодня осознаётся как утопичная. Тем более что описание многих задач, возникающих перед людьми, сталкивается с обнаружением информационных пробелов, которые приходится заполнять всевозможными гипотетическими допущениями. В связи с этим исследователи сегодня обращают внимание на необходимость учитывать особенности конкретных ситуаций, в которых используются те или иные формы и методы рассуждения, поскольку в разных случаях семантическая характеристика одной и той же логической структуры может существенно различаться. Интерес к выявлению и анализу конкретных реальных форм интеллектуальных действий выражает осознание динамичности современной социальной жизни. Это, в свою очередь, требует более чёткого определения самого понятия «ситуация», поскольку оно постоянно используется в самых различных контекстах, не всегда достаточно совместимых друг с другом.

Понятие «ситуация». Структура и типы ситуации

В одной из работ, связанных с этой проблемой, ситуация характеризуется как «совокупность объектов, обладающих свойствами и состоящих в отношениях друг с другом, а также связанных с определённой пространственно-временной структурой» [1]. Таким образом ситуация отождествляется с совместным пребыванием фиксированных объектов в определённом

месте и в конкретном временном интервале, то есть с их «со-бытием» (событием). Явно или неявно в данном случае событие рассматривается как некоторое состояние окружающего мира, не зависящее от особенностей человеческого восприятия. С этой точки зрения люди играют роль сторонних наблюдателей, лишь описывающих происходящее вокруг них. Однако сегодня достаточно явно обнаруживается зависимость любых описаний действительности от целевых установок людей, а также от культурных традиций, носителями которых являются авторы описаний. Ведь одни и те же явления могут отображаться в субъективной реальности разных людей различным образом.

Часто бывает так, что представители одних типов социума воспринимают некое состояние окружающего мира в качестве «события», тогда как другие вовсе не замечают его. Осознание данного обстоятельства обуславливает внимание к ситуационному характеру человеческих представлений о мире. В связи с этим необходимо учесть то, что понятия «ситуация» и «событие» не совпадают полностью, хотя тесно связаны друг с другом. Под «ситуацией» обычно понимают некоторое «множество событий», происходящих в определённый момент. «Событие» же характеризует определённое конкретно-локальное отношение между объектами, включёнными в поле зрения каких-то людей. И с помощью этих понятий формируются описания не только состояний мира, но и отношения людей к этим состояниям. В связи с этим следует иметь в виду, что любое описание является некоторым знаком, лишь указывающим на «образ действительности», но не совпадающим абсолютно с самой реальностью. Выделение каких-то характеристик внешнего мира в качестве «значащих» во многом

обусловлено потребностями, желаниями и устремлениями людей. Мотивация человеческих отношений к окружающей действительности определяется такими субъективными установками, как:

– «я хочу» (здесь важную роль играют личные убеждения);

– «я знаю» (в данном случае степень субъективных установок уменьшается, поскольку знание является результатом коллективных действий, на индивидуальную позицию существенно влияют принятые познавательные стандарты и коммуникативные правила);

– «я умею» (степень воздействия внешних объективных факторов максимально усиливается).

Доминирование одной из таких установок задаёт поведенческую ситуацию и, соответственно, влияет на способы описания и оценки получаемых результатов.

Сегодня ясно, что никакая форма знания не может претендовать на исчерпывающее изображение фрагментов действительности, включённых в поле зрения людей. Рано или поздно обнаруживаются информационные лакуны, заполняемые часто искусственно конструируемыми «фикциями», от которых в дальнейшем надеются избавиться. Выстраивая какой-то «образ мира», исследователи исходят из неполной информации, а потому в дальнейшем приходится вносить какие-то коррективы в соответствии с новыми сведениями, полученными на каком-то шаге познания. Важно при этом иметь в виду, что перестраивать приходится не только описание «настоящего», но и «прошлого», которое также переосмысливается в контексте новых представлений. Решения, считавшиеся когда-то оптимальными, в новых условиях могут оцениваться как «ошибочные». На каждом этапе действует (хотя и с разной степенью осознания) «иллюзия понимания» [2].

«Деформации» в оценках используемых описаний во многом обусловлены тем, что каждое описание не просто характеризует некоторое состояние мира, но и представляет собой некую программу действий. Утверждение «идёт дождь», например, не только описывает погодные условия, но и неявно обуславливает возможность различных способов поведения: взять зонтик, не выходить на улицу, вызвать машину и т. д. Предпочтение одного из способов

определяет характеристику ситуации, какой она представляется человеку. А это влияет на выбор знаков, посредством которых ситуация отображается в знаниях. Сами по себе знаки указывают либо на некие «внешние» сущности, либо на другие знаки. В последнем случае возникает возможность замещать один знак другим, что и обеспечивает переход от наглядно-образных изображений фрагментов реальности к их формализованным моделям. Между этими типами описаний всегда можно обнаружить промежуточные формы. Это обусловлено тем, что и наглядные образы мира, и его формализованные модели являются элементами некой общей культурной системы, а потому их функционирование и развитие регулируют глубинные универсальные закономерности, хотя и проявляющиеся различным образом в разных ситуациях.

Ситуации «актуальные» и «потенциальные»

Конструируя «образ мира» и всевозможные схемы действий в описываемой реальности, люди накапливают знание о ситуациях допустимых (а потому постоянно воспроизводимых) и ситуациях нежелательных, опасных. По сути дела речь должна идти не столько об «образе», сколько о «проекте мира». Совершая какие-то поступки, человек старается достичь результата, до поры существующего лишь в его сознании, в «возможном будущем». Действия людей всегда, так или иначе, направлены на организацию своего будущего [6]. И существующее положение дел, если оно удовлетворяет людей, проецируется на время, которое ещё не наступило. Конечно, исходя из конкретной сиюминутной ситуации, приходится постоянно вносить определённые коррективы, обусловленные возникающими локальными потребностями. В одних случаях необходимо сохранить наличную ситуацию, в других желательно заменить её какой-то иной. Накопление изменений рано или поздно вызывает кардинальную перестройку представлений о целях, к достижению которых человек стремится. Формируется качественно новый образ (а затем и модель) мира.

Это обусловлено, прежде всего, различием ситуационных установок, определяющих человеческие действия. Желание сохранить какое-то конкретное положение дел

во всех его деталях и желание сохранения какой-то общей ситуации, частным случаем которой является данное положение, – различаются по своей интенции. У. Куайн отмечает, что утверждения «S хочет сохранить президентскую власть в стране» и «S хочет сохранить власть некоторого данного президента» квантифицируются различным образом [3]. Контекстуальные различия могут возникнуть даже тогда, когда описываются различные действия, связанные с решением одной и той же задачи. Например, обоснование плана предлагаемых действий или объяснение способа реализации этого плана создаёт разные ситуации, несмотря на то, что в обоих случаях описывается положение дел, «каким оно может быть» при выполнении соответствующих условий. Исходя из различных соображений, люди создают разные описания одной и той же ситуации (разные «возможные миры»), определяющие конкретное поведение каждого человека. «Возможным миром» может быть описание отдельного события, описание ситуации (множества событий) и описание «состояния» (некоторого набора ситуаций).

*«Возможные миры»
и языка описания ситуаций*

Создавая какой-то «возможный мир», человек определяет набор характеристик, расцениваемых им как «существенные». Понятно, что в реальной жизни общества создаются и используются разные подобные «миры». Одни и те же ситуации отображаются самыми различными способами, будучи представлены всевозможными знаковыми структурами. Их совокупность можно рассматривать в качестве «языковой матрицы», используемой в любой культуре. Когда-то Лейбниц использовал понятие «возможный мир», настаивая на необходимости видеть в реальности, с которой люди имеют дело в своей повседневной жизни, частное проявление какой-то глубинной сущности. Он полагал, что множество возможностей, ещё не реализовавшихся в мире вещей, выявляются лишь интеллектом и могут выражаться с помощью символов. Идея определяющего влияния языковых средств на процесс расширения человеческих знаний долгое время находилась на периферии теоретического сознания. Однако на рубеже XIX и XX вв. (в связи

с так называемым «кризисом науки») интерес к средствам возникновения и трансляции знаний вызвал «лингвистический сдвиг» в философии, что породило стремление к созданию универсальной «языковой матрицы».

Однако постепенно стало ясно, что решение этой задачи осложняется возможностью регулировать одно и то же поведение человека в разных ситуациях с помощью различных языковых средств. Например, указание на какое-то желаемое действие может выражаться в виде приказа, просьбы, аргументирующего убеждения, ориентировочного вопроса и т. д. Все такие формы предложений выражаются с помощью слов, некоторые из которых могут входить в структуру каждого из используемых предложений. Но важно осознавать при этом, что значение слова или выражения меняется при его вхождении в различные смысловые контексты. Более того, даже в выражениях, воспринимаемых в качестве тавтологии, необходимо различным образом воспринимать одно и то же слово, стоящее в разных местах предложения. Известные всем утверждения типа: «Закон есть закон» или «Рациональна ли рациональность?» и т. п. – являются тавтологиями лишь на первый взгляд. На самом деле они выражают различное семантическое значение повторяющихся слов, находящихся в начале и в конце предложения.

Возможность различным образом создавать картину (а в более точных типах языка – модель) ситуации обусловила понимание того, что языковая матрица культуры строится из языков различного типа и представляет собой многоуровневую структуру. Типы языков, составляющих содержание матрицы, обладают относительной автономностью, но детальный анализ позволяет обнаружить их глубинную связь. Обыденно-бытовые, художественные, научно-дисциплинарные картины действительности могут казаться принципиально несовместимыми, но вряд ли можно абсолютным образом оторвать их друг от друга. Взаимодействие людей с реальными внеязыковыми сущностями осуществляется в условиях возникновения и смены множества различных ситуаций. Конструируя планы необходимого действия, прогнозируя возможные результаты, заменяя одни ожидания другими, человек оказывается од-

новременно в разных «возможных мирах» и потому должен иметь в своём распоряжении «заготовки» описаний положения дел, с которыми он ещё не сталкивался, но которые могут возникнуть в какой-то определённый момент. Реально человек всегда выбирает способ описания ситуации, в которой он оказывается в тот или иной момент.

Взаимодействуя с окружающей действительностью, люди для решения возникающих задач создают и используют различные наборы описаний, переходя от одного варианта к другому в процессе продвижения к поставленной цели. Поэтому динамика реальной жизни людей не может регулироваться заданными раз и навсегда программами и алгоритмами. И традиционные логические схемы рассуждения отображают лишь самые общие контуры интеллектуальных действий. В каждой конкретной ситуации такие схемы человек явно или неявно применяет к «сиюминутным» условиям. Нередко случается так, что даже ошибочные (с точки зрения формально-логического подхода) шаги приводят к желаемому результату скорее, нежели неукоснительное следование заданным правилам. Не случайно академик Колмогоров, один из крупнейших отечественных математиков, внёсших существенный вклад в разработку кибернетических проблем, видел недостаток создаваемых в то время ЭВМ в том, что они «идиотски логичны».

Способность человека достигать успеха, поступая «нелогично», обусловлена тем, что он не выстраивает свою жизнь на основе чисто рационального рассуждения, но эмоционально переживает всё происходящее с ним. Страх, недоверие, радость, безразличие – все подобные реакции на внешнее воздействие различным образом определяют характер создаваемых человеком представлений о событиях, участником которых он является. К тому же отображение реально фиксируемых ситуаций кардинально отличается от описания тех, которые пока не осуществились, но уже представлены в сфере воображаемого. Особенности образов «возможной реальности», порождённые фантазией художника или учёного, максимальным образом обуславливаются характером внутренних состояний человека. «Знание» порождает отношение к окружающей действительности качественно иное, чем «мнение» или «вера» [7]. И в за-

висимости от того, какая из этих модальностей доминирует в той или иной конкретной ситуации, люди используют разные формы рационального рассуждения.

*Идеи «ситуационной логики»
в концепции К. Поппера*

На необходимость обязательно учитывать ситуационный контекст, в котором используются те или иные логические формы, одним из первых указал К. Поппер [4, с. 440]. Разрабатываемая им концепция стала альтернативой позиции представителей логического эмпиризма, которые рассматривали любое описание ситуации как некоторое множество предложений. С их точки зрения задача философского анализа (сводимого в основном к логическим методам) заключалась в постоянном совершенствовании структуры такого множества. Чрезмерная абстрактность этого подхода вызвала возражения многих учёных. В самом деле, отображая своё взаимодействие с окружающей действительностью, люди обычно создают одновременно различные варианты описания ситуаций, с которыми они столкнулись. И в каждой конкретной ситуации им приходится выбирать вариант, наиболее подходящий к сиюминутным условиям. Естественно, что при смене целевых установок критерии, определяющие выбор, часто существенно меняются. Поппер исходил из того, что такой выбор не может зависеть от субъективных соображений и предпочтений отдельно взятого индивида. Он считал, что должны быть какие-то объективные факторы, заставляющие разных людей действовать в одних и тех же ситуациях одинаковым образом. Такие факторы задаёт «проблемная ситуация», конкретное содержание которой определяется тем, как:

- формулируется решаемая в некоторый данный момент задача;
- создаётся план поисковых действий, связанных с её решением;
- строятся предположения о возможных результатах поиска;
- задаются способы оценки соответствия планов и ожидаемых результатов поставленной задаче.

На первый взгляд, все эти структурные элементы проблемной ситуации должны всё-таки полностью зависеть от субъективных соображений индивида. Однако К. Поппер подчёркивает, что действия человека

обусловлены его знаниями о законах природы и социума (в котором он существует в данный момент), о приемлемых для данного общества целях и способах их достижения, а также знанием о накопленном опыте решения всевозможных задач в прошлом. А все такие знания выражаются на языках теорий, используемых в данной культуре, то есть составляют содержание «третьего мира», функционирующего по универсальным законам логики и потому, как считал Поппер, независимого от индивидуального произвола. Именно это обеспечивает объективный, скорее, интерсубъективный [5, с. 300–301], характер описания проблемной ситуации, потому разные авторы строят достаточно сходные образы «состояния дел» в интересующем их мире. Это обеспечивает возможность эффективно управлять коллективными действиями.

Достигая одних целей, люди выдвигают другие. В связи с этим возникает вопрос о преемственности различных этапов действий, осуществляемых людьми в разное время. Можно ли логически выводить из имеющихся описаний уже реализованных ситуаций такие, которые позволили бы достаточно полно и точно представлять состояния мира, с которыми люди ещё не сталкивались. Попытки представителей «логики науки» использовать для решения этого вопроса схемы дедуктивного вывода, как известно, оказались не вполне успешными. Не случайно сегодня растёт интерес к использованию различных видов индуктивного рассуждения, позволяющих более адекватно отобразить реальный характер интеллектуальных процессов. Это связано с тем, что не все предпосылки, на которых в реальной практике строятся дедуктивные рассуждения, обязательно представлены достаточно полно и явно. Стремление непосредственно выводить новые описания «положения дел в мире» из набора уже имеющихся наталкивается на фундаментальную неполноту исходной информации, содержащейся в принимаемых посылках. В создании многих описаний ситуации «наведение» (индуцирование) оказывается более эффективным чем «выведение» (дедукция), поскольку на форму этих описаний наряду с рациональным рассуждением влияют эмоциональные переживания, позволяющие дополнять знание о «фактах» воображаемыми сущностями.

Роль эмоционального переживания в создании «образа ситуации»

Сходство переживаний существующего положения дел и способов рационального осмысления переживаний базируется на одинаковом чувственно-наглядном образе ситуации, присутствующем в сознании всех членов некоторого сообщества. «Универсальность» такого образа обусловлена тем, что все, принадлежащие к этому сообществу, являются носителями одного и того же типа культуры и используют общий для них тип языка. Обычно эмоции разных людей (даже при совпадении ситуаций и явлений, вызывающих эти эмоции) считаются сугубо индивидуализированными. К. Поппер, в частности, относил их ко «второму миру» (сфере субъективных состояний). Однако многие авторы не раз указывали на факторы, обуславливающие интерсубъективный характер самих переживаний. Ещё Л. Фейербах подчёркивал то, что чувства людей «окультурены» и этим отличаются от чувств животных. Именно культура задаёт границы переживаний, достаточно сходные для всех её носителей [8, с. 189–190]. Поэтому уже в сфере эмоций зарождаются инвариантные формы, становящиеся затем основанием структур логики. Поскольку на первых этапах человеческой истории эмоциональная сфера имела преимущественное значение для организации успешной коллективной жизни, постольку распространение индивидуальных эмоций в древних сообществах обеспечивалось такой поведенческой формой, как «подражание». Но переживание в основном связано с конкретно-локальными событиями, а потому подражание, как средство организации коллективной жизни, оказывается эффективным лишь в ситуациях «здесь и сейчас».

Расширение и усложнение общественной практики привело к необходимости каким-то образом эмоционально реагировать на ситуации, *ещё не возникавшие, но принципиально возможные*. Представление об этих ситуациях формируется в отдельном индивидуальном сознании, и для его трансляции подражание уже не может быть достаточно успешным, так как мысленный образ ситуации не воспринимается разными людьми прямо и непосредственно. Для «внешнего» представления такого образа постепенно стали использоваться различного рода знаки. Именно они стали порожд-

дать одинаковые по характеру переживания у различных членов сообщества. Но для освоения знаковых систем и их содержательной интерпретации потребовалось создание некой системы правил, связывающих сферу эмоций с интеллектуальными процессами. В результате люди стали не просто переживать события, с которыми они столкнулись в какой-то данный момент, но и оценивать их значимость для себя с точки зрения своих разнообразных потребностей (в том числе и будущих).

Рациональное осмысление человеческих действий всегда происходит в рамках, задаваемых существующими на данный момент культурными нормами. Сами эти нормы возникают под воздействием условий, в которых сообщество существует, но в дальнейшем уже они как бы «извне» влияют на представления людей о возникающих новых ситуациях. Понятно, что различие условий способствует формированию множества нормативных систем, отличающихся между собой. История человечества демонстрирует самые различные типы культуры, иногда с трудом совместимые друг с другом. Но сам процесс становления этих типов достаточно универсален. Не случайно в мифологических системах разных народов, существующих на значительном расстоянии друг от друга и не общавшихся между собой, обнаруживаются сходные сюжеты и образы. Люди выделяют те элементы фиксируемых событий, которые вызывают у них максимальное переживание. Поскольку в древности общие условия жизни человеческих сообществ во многом совпадали, постольку и переживания были сходны по своему характеру. Постоянно повторяющиеся ситуации становились «значимыми». Именно они фиксировались в языке и задавали характер «возможного мира», закрепляющегося в коллективном сознании.

Оформление переживаний в языковые структуры способствовало дальнейшему становлению рационального мышления в качестве регулятора коллективных действий. Развитие понятийного мышления – процесс длительный. Хотя первые категориальные модели возникали как непосредственное выражение чувственного и социального опыта, накапливаемого древними людьми, такой способ организации коллектива, как подражание, постепен-

но отходил на второй план. Для надёжного обеспечения выживания сообщества понадобились другие средства. Важно было не только сконструировать общий для всей группы образ соответствующих действий, но и научить всех членов этой группы действовать именно так. Этим обусловлено создание различных описаний поведенческих моделей, задающих соответствующую инструкцию, обязательную для исполнения всеми. В результате стало возможным «автоматически» следовать транслируемым инструкциям, не осмысливая их содержательных смыслов на каждом шагу. Чем сложнее становилась общественная жизнь, тем большее значение в её регуляции приобретал особый стиль мышления, получивший название «технологический». Само название свидетельствует о том, что на определённом этапе общественного развития оформляется такой специфический вид деятельности, как «техническая», и одной из ведущих фигур новой культуры становится инженер. Носители этого типа культуры воспринимают окружающий мир в качестве материала, который следует переработать, преобразовать его в какие-то формы, отсутствующие непосредственно в естественной среде. Такой взгляд обусловлен новыми потребностями людей и новыми целями, которые они начинают ставить перед собой. Кроме того, инженер не только описывает конкретный образ желаемого будущего, но и создаёт проект той деятельности, которая обеспечит достижение поставленной цели.

Поскольку «будущего» ещё нет, постольку переживать его описание не так-то просто. Но человеческая деятельность обязательно предполагает реализацию хотя бы переживаний «второго порядка». Их может вызывать описание самих действий, которые следует осуществить. Определяющую роль стало играть максимально чётко сформулированное перечисление соответствующих процедур и операций. «Технологическое мышление» обусловило построение «возможных миров», в их содержании доминирующее значение имеют чёткие инструкции, которые следует осуществить «здесь и сейчас». Подобные инструкции наиболее успешно функционируют, будучи представлены в виде однозначно выраженных требований к исполнителю. Поэтому описание ситуаций в рамках технологического мышления приобретало всё более

стандартизированный характер. И сами такие описания уже воспринимались как технические задания, то есть разнообразные задачи, которые следует решать в определённый момент.

Ситуационные контексты процессов решения задач

По своей сути поиск решения представляет собой «лабиринтную» структуру, в которой исходные данные (условия) необходимо связать с заранее определённой целью (конечным результатом). В некоторых случаях такая цель в процессе поиска может явно или неявно заменяться какими-то альтернативными вариантами. Однако при конструировании алгоритма действий цель стараются задать как можно более определённо. Не случайно в математике распространено убеждение в том, что «хорошо сформулированная задача есть наполовину решённая задача». Процесс поиска решения обычно описывается в виде последовательности следующих шагов:

- формулировка задачи (в исследовательской практике это соответствует постановке проблемы);
- сбор необходимых данных (в том числе и среди имеющихся фрагментов информации);
- анализ данных и их ранжирование (распределение на существенные и второстепенные элементы);
- обнаружение пробелов в имеющейся информации, препятствующих увязыванию исходных данных и искомого результата;
- заполнение пробелов;
- построение модели, в которой все элементы решения однозначно и непротиворечиво соединены в целостную систему.

Несмотря на формальную универсальность подобной схемы, её реализация порождает целый ряд ситуаций, качественно отличающихся друг от друга. Прежде всего, следует иметь в виду то обстоятельство, что выбор задачи и процесс её решения создают различные ситуационные контексты. Тем не менее, это различие не всегда принимается во внимание. Например, такие характеристики интеллекта, как «разум», «рациональность», «логика», воспринимаются как синонимы, хотя каждая из них определяет разные этапы решения задач. Уже в древности многие философы старались связать «рациональность» с умением ре-

шать практические задачи, тогда как под «разумом» понимали способность выбирать задачи, которые следовало решать. От Аристотеля и Аль-Фараби до Лейбница и Канта идея подобного разделения проявлялась достаточно последовательно. Логике же можно рассматривать как средство организации форм проявления и разума, и рациональности.

Если под рациональным мышлением понимать способность явно осознавать все базисные предпосылки, однозначно определяющие каждый шаг поисковой деятельности, то можно увидеть, что оно различным образом проявляется в ситуации выбора цели и ситуации поиска способов её достижения. В первом случае строится описание «желаемого состояния мира», то есть подбираются высказывания, посредством которых выражается потребность сохранить или изменить некоторое существующее положение дел (то есть создаётся образ цели). Здесь рациональное мышление достаточно явно обуславливает действия человека, поскольку однозначное выражение цели во многом определяет успешность поисковых действий. Во втором случае характер человеческого поведения зависит от описания комплекса возможных действий, среди которых необходимо выбрать наиболее эффективный способ, обеспечивающий получение нужного результата. Выбор предполагает знание всех элементов этого комплекса (что никогда реально не достигается) и понимание критериев, определяющих соответствующий выбор. Но понимание ведь обусловлено «образом ситуации», существующим в сознании человека. А такой образ также не всегда отчётливо осознаётся и не всеми может быть рационально выражен и обоснован.

Многое зависит от интуитивно принимаемых условий, неявно определяющих совместные действия людей, принадлежащих к одной и той же системе норм и традиций. Например, если некто во время застолья слышит вопрос соседа «не можете ли вы передать мне соль?» и вместо ожидаемых от него соответствующих действий просто ответит «могу», – это будет свидетельствовать о несовпадении его понимания ситуации с образом поведения, существующим в сознании собеседника. Адекватное взаимодействие людей возможно лишь тогда, когда у каждого из них сложился достаточ-

но сходный образ ситуации, который они могут рационально обосновать. Если один студент предлагает другому пойти в кино, а в ответ слышит фразу «мне надо готовиться к экзамену», он понимает её как отказ. Аналогичный по конструкции ответ «мне надо взять плащ» – в данном случае будет означать для него согласие. Достижение взаимопонимания предполагает, что каждый участник коммуникации способен адекватно реконструировать «возможный мир» своих собеседников и совместить их с «миром», носителем которого является он сам. Для этого одной ориентации на грамматическую форму высказываний явно недостаточно.

К тому же анализ реальной коммуникативной практики обнаруживает значительное влияние на поведение людей скрытых (вторичных) смыслов высказываний, из которых конструируются всевозможные описания. Не всегда эти смыслы удаётся представить явным образом, поэтому построить чёткий алгоритм решения сложных задач весьма не просто. Как уже отмечалось, человек чаще всего действует в ситуации нехватки информации. Поэтому так часто по ходу решения задачи могут отбрасываться варианты, казавшиеся ранее перспективными, может измениться само понимание изначальных условий и, в конце концов, меняется само представление об исходной цели. Это обуславливает необходимость периодической проверки осуществляемых шагов решения. Не меньшее значение имеет и выявление *пресуппозиций* (предпосылок, обеспечивающих осмысленность высказываний, включаемых в структуру описания ситуаций). Такие предпосылки существенно влияют на выбор действий, предпринимаемых для достижения поставленной цели. Если решение задачи связано с необходимостью двигаться вперёд, то требование «разрушить встреченное препятствие» будет принято как осмысленное лишь тогда, когда это препятствие существует на самом деле. Иначе это требование воспримется как «бессмысленное».

Выявление скрытых смыслов и неявных предпосылок является одной из важных функций ситуативной логики. «Классическая» логика оформлялась в русле попыток создать некий «универсальный» язык, с помощью которого можно было бы сформулировать любую задачу и однозначно описать

алгоритм любого решения. Сегодня ясно, что эта цель в абсолютном виде вряд ли разрешима. Реальное взаимодействие людей друг с другом и с окружающей действительностью осуществляется в множестве самых разнообразных ситуаций. А потому вместо конструирования универсального описания «положения дел в мире» (задача, которую когда-то поставил Р. Карнап [9]) современный исследовательский поиск направлен на создание локальных ситуативных описаний и поиск возможных соотношений между ними. «Сдвиг» в ориентации современной логики обусловлен ещё и тем, что одного совершенствования структуры языков, используемых при создании различных описаний, уже недостаточно. Важно понять, какие последствия в самой «внеязыковой реальности» вызывает использование тех или иных вариантов языкового оформления образа ситуации.

В такой смене ориентаций проявляется определённая закономерность развития логики вообще. В самом деле, первый этап этого развития был связан с активным анализом синтаксических особенностей языковых систем. На втором всё большую значимость приобретала семантическая проблематика. Сегодня же в центр внимания исследователей активно выдвигается «логическая прагматика» [10], в рамках которой выявляются не законы функционирования языка «самого по себе», а изучается влияние выбранной знаковой системы на практические действия её пользователей. Поэтому одной из важнейших задач, стоящих перед ситуативной логикой, является проявление оснований для перехода от *описания ситуации к описанию действий*, необходимых для достижения целей, обусловленных возникшей ситуацией. Условия, в которых люди оказываются в те или иные моменты своей жизни, существенно влияют на выбор ими способа описания соответствующего положения дел в мире. Но верно и обратное: принятое однажды всеми членами какой-то группы описание может жёстко определять их реальное ситуационное поведение. Подобная циклическая взаимосвязь разных типов описания и обуславливает вариативный характер использования различных схем интеллектуальных действий, реализуемых людьми в различных ситуациях, с которыми они сталкиваются в своей жизни.

Список литературы

1. Вострикова Е. В., Куслий П. С. Формальная семантика естественного языка как вызов и альтернатива лингвистическому релятивизму // *Вопр. философии*. 2015. № 9. С. 88–102.
2. Канеман Д. *Думай медленно... Решай быстро*. М.: АСТ, 2014. 331 с.
3. Куайн У. Ван Орман. Кванторы и пропозициональные установки // *Эпистемология и философия науки*. 2012. Т. 33, № 4. С. 213–225.
4. Поппер К. *Логика и рост научного знания: избр. работы / сост., общ. ред. В. Н. Садовского: пер. с англ.* М.: Прогресс, 1983. 604 с.
5. Порус В. Н. *Интерсубъективность* // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. М.: Канон+, 2009.
6. Сёрль Дж. *Рациональность в действии / пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой*. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.
7. Смирнова Е. Д. *Логика и философия* // *Вопр. философии*. 2000. № 12. С. 35–48.
8. Фейербах Л. *Основные положения философии будущего // Избранные философские произведения*. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 1. 669 с.
9. Carnap R. *Der logische Aufbau der Welt*. В. Schlachtensee, 1928.
10. Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman House, 1986.

References

1. Vostrikova E. V., Kusliy P. S. Formal'naya semantika estestvennogo yazyka kak vyzov i al'ternativa lingvisticheskomu relyativizmu // *Vopr. filosofii*. 2015. № 9. S. 88–102.
2. Kaneman D. *Dumai medlenno... Reshai bystro*. M.: AST, 2014. 331 s.
3. Kuain U. Van Orman. Kvantory i propozitsional'nye ustanovki // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2012. T. 33, № 4. S. 213–225.
4. Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya: izbr. raboty / sost., obshch. red. V. N. Sadovskogo: per. s angl.* M.: Progress, 1983. 604 s.
5. Porus V. N. *Intersub"ektivnost'* // *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki*. M.: Kanon+, 2009.
6. Serl' Dzh. *Ratsional'nost' v deistvii / per. s angl. A. Kolodiya, E. Rumyantsevoi*. M.: Progress-Traditsiya, 2004. 336 s.
7. Smirnova E. D. *Logika i filosofiya* // *Vopr. filosofii*. 2000. № 12. S. 35–48.
8. Feierbakh L. *Osnovnye polozheniya filosofii budushchego // Izbrannye filosofskie proizvedeniya*. M.: Gos. izd-vo polit. lit., 1955. T. 1. 669 s.
9. Carnap R. *Der logische Aufbau der Welt*. В. Schlachtensee, 1928.
10. Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman House, 1986.

Библиографическое описание статьи

Гусев С. С. Ситуационные контексты интеллектуальных действий // *Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа*. 2016. Т. 11, № 3. С. 100–109. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-100-109.

Reference to the article

Gusev S. S. Situational Contexts of Intellectual Actions // *Scholarly Notes of Transbaikals State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work*. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 100–109. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-100-109.

Статья поступила в редакцию 20.03.2016